

Г.В. Есипов

Тяжелая память прошлого

**Рассказы из дел Тайной
Канцелярии**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Г11

Г11 **Г.В. Есипов**
Тяжелая память прошлого: Рассказы из дел Тайной Канцелярии / Г.В. Есипов –
М.: Книга по Требованию, 2023. – 386 с.

ISBN 978-5-4241-1242-3

ISBN 978-5-4241-1242-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

АЛЕКСѢЙ ЛАМПАДЧИКЪ.

Въ 1716 году въ Александро-Свирскомъ монастырѣ дѣла шли неладно. Братія раздѣлена была на двѣ партіи: одна пристала къ новому архимандриту, Александру, другая осталась вѣрною прежнему архимандриту, Кириллу, жившему въ монастырѣ на покое. Большинство было на сторонѣ престарѣлаго Кирилла, отличавшагося строгостію въ исполненіи монашескаго житія, справедливостію и благочестіемъ. Архимандрита Александра не любили за его дерзость, грубость, жестокость и корыстолюбіе, за то, что онъ распоряжался самопроизвольно, безотчетно монастырскими суммами, велъ жизнь непорядочную и безъ пощады билъ плетью тѣхъ изъ монаховъ, которые осмѣливались противорѣчить ему или „обличать“. При Кириллѣ, въ праздничные, царскіе торжественные дни, послѣ церковной службы, братія угощалась „чашами за трапезою“; при Александрѣ не только не было затрапезнаго угощенія въ царскіе дни, но, по какому-то странному упрямству, Александръ отмѣнялъ даже и молебное пѣніе за царскихъ особъ. Все

это возмущало братію и увеличивало съ каждымъ днемъ ихъ негодованіе на новаго архимандрита.

22-го ноября 1716 г. совершалось навечеріе на канунѣ дня св. великомученицы Екатерины, дня тезоименитства супруги Петра, царицы Екатерины Алексѣевны. Александръ приказалъ совершить „пѣніе безъ празднества“—это было противу установленнаго порядка службы въ царскіе праздники. По окончаніи вечерни, старый архимандритъ Кириллъ вошелъ въ алтарь.

— Для чего ты въ тезоименитство благовѣрныхъ государыни Екатерины Алексѣевны праздновать не велѣлъ? спросилъ Кириллъ Александра.

— Что праздновать, и такъ добро! былъ отвѣтъ Александра.

— То не хорошо! мы прежъ сего для ангеловъ государыней царицъ всегда праздновали съ палеэleosомъ и послѣ вечерни молебствовали соборне; и въ такіе дни для государевыхъ ангеловъ по святой литургіи, на трапезѣ братіи бывало утѣшеніе довольное.

Но спорить съ Александромъ было опасно: заносчивость и жестокость его были уже испытаны многими.— Кириллъ отправился къ себѣ въ келію.

Въ Петровъ день, именины Петра, Александръ опять отмѣнилъ церковное торжественное служеніе и опять монахамъ не было трапезнаго угощенія.

Эти дѣйствія обнаружили Кириллу, что Александръ— „противникъ“ царскому величеству. Кириллъ опять смолчалъ, да и рассказывать своимъ сотоварищамъ было опасно—начнется болтовня, сплетни, а при ненависти къ Александру почти всей братіи, легко найдется доносчикъ о словѣхъ и дѣлѣхъ—и первый пострадаетъ онъ,

Кирилль. Александръ же пожалуй отопрется; а какъ доказать? свидѣтелей ихъ разговоръ никого не было. Старикъ Кирилль обдумалъ свое положеніе, тяжелую жизнь въ монастырѣ, а можетъ быть блеснула и надежда быть снова архимандритомъ—и рѣшился отправиться въ Новгородъ, донести архіерею о поведеніи Александра. Но не такъ легко было исполнить это намѣреніе. Александръ не выпускалъ никого изъ монастыря.

Чтобъ скрыть побѣгъ, Кирилль уложилъ весь свой скарбъ и началъ переносить его въ келью сына своего духовнаго, свиточника монастырскаго, бѣльца Степана Артемьева, который былъ ему преданъ. На бѣду Кирилла, въ то время какъ Степанъ несъ мѣшки, его увидѣлъ келарь. Степанъ Артемьевъ смекнулъ, что дѣло нехорошо—келарь донесетъ архимандриту—и пойдетъ расправа. Степанъ предупредилъ келаря и самъ побѣжалъ къ Александру объявить о намѣреніи Кирилла бѣжать изъ монастыря.

Александръ велѣлъ отнестъ къ себѣ всѣ собранные пожитки Кирилла, а самъ явился къ нему въ келью.

— Куда ты хочешь идти? спросилъ Александръ.

— Въ Новгородъ, для выбора долговъ своихъ, отвѣчалъ испуганный старецъ.

Вмѣсто Новгорода, Кирилль изъ своей кельи попалъ въ „тюремную“ и посаженъ на цѣпь.

Сажанье на цѣпь, для насъ, при нашихъ понятіяхъ о наказаніяхъ, какъ-то дико и составляетъ жестокое, тяжелое наказаніе и то развѣ только за какое нибудь особенно страшное уголовное преступленіе; но въ началѣ XVIII столѣтія, сажанье на цѣпь было дѣло самое обык-

новенное; это было даже не наказаніе, а первая исправительная мѣра. Вездѣ, по всей Россіи, въ деревняхъ, въ городахъ, въ приказахъ, въ канцеляріяхъ, при первомъ „противномъ“ поступкѣ, сейчасъ сажали на цѣпь. Это обыкновеніе такъ было общепринято, что даже въ присутственныхъ мѣстахъ, въ случаѣ грубости или пьянства всякаго подъячаго или кописта, секретарь, безъ всякаго дальнѣйшаго разговора, сажалъ его на цѣпь—до повинной или до протрезвленія. Въ монастыряхъ это было также общеупотребительно.

Кирилль сидѣлъ въ тюрьмѣ и ожидалъ, что сдѣлаетъ съ нимъ Александръ. Черезъ три дня архимандритъ явился съ двумя келейниками, старика раздѣли и побили плетью. Александръ приговаривалъ: „А! ты хочешь на меня доносить и для того изъ монастыря уѣхать“! Затѣмъ Кирилла отпустили, но за нимъ присматривали строго и запрещено было выпускать его изъ монастыря.

Какъ ни смотрѣли зорко за Кирилломъ, но чрезъ три недѣли онъ ушелъ изъ монастыря; сперва отправился въ Новгородъ, а отсюда въ Петербургъ. Ему хотѣлось объяснить положеніе дѣлъ монастырскихъ Стефану Рязанскому, но бѣднаго старца служители архіерея не допустили до Стефана. Кирилль обратился къ Θεодосію новгородскому,—но и здѣсь неудача: Θεодосій велѣлъ ему ѣхать въ Свирскій монастырь „по прежнему“, и прибавилъ: „чтобъ я тебя здѣсь впередъ не видалъ“.

Нечего было дѣлать бѣдному Кириллу, нигдѣ не было защиты; онъ отправился обратно въ свой монастырь.

Можно вообразить себѣ, какъ его встрѣтилъ Але-

ксандръ! Кирилла сковали, высѣкли плетьюми и отправили за 50 верстъ въ приписной Введенскій монастырь, подъ карауломъ.

Отправка Кирилла изъ Свирскаго въ Введенскій монастырь имѣла еще другую причину.

Архимандриту дали знать изъ Петербурга, что царь Петръ Алексѣевичъ будетъ у него въ монастырь проѣздомъ на Марціалъныя воды.

Александръ смекнулъ, что присутствіе Кирилла въ монастырѣ, во время посѣщенія царя, слишкомъ для него опасно. Петръ, по обыкновенію, вѣроятно будетъ иѣтъ на клиросѣ, читать самъ апостолъ, приметъ участіе въ братской трапезѣ—при этомъ Кириллу свободно будетъ донести царю о непристойныхъ словахъ и не-приздраваніи царскихъ дней.

Въ Введенскомъ монастырѣ Кириллу пришлось еще испытать жестокость Александра. Онъ жилъ въ одной кельѣ съ монахомъ Маркомъ, роднымъ братомъ Александра. Марко велъ себя совсѣмъ не по-монашески и частенько бывалъ пьянъ. Въ одинъ пріѣздъ Александра въ Введенскій монастырь, Марко пьяный отправился къ брату и началъ упрекать его въ безнравственности; при этомъ просилъ сто рублей и въ случаѣ отказа угрожалъ брату, что донесетъ на него, „и зато онъ, архимандритъ, сожженъ будетъ въ струбѣ“.

Раздраженный Александръ посадилъ на цѣпь въ тюремную келью брата своего, а кстати и Кирилла—посѣкъ ихъ тамъ плетьюми, а черезъ нѣсколько дней велѣлъ ихъ привести къ своей кельѣ къ крыльцу и еще побилъ палкою, приговаривая старику: „не составли-

вайте на меня такихъ непристойныхъ словъ“, потомъ велѣлъ освободить.

Но Марко не унимался. Въ слѣдующій прїѣздъ Александра, онъ опять явился къ нему съ упреками; Александру надоѣло это, и онъ привезъ его къ себѣ въ Свирскій монастырь, угрожая посадить на цѣпь и бить плетьюми, но Марко былъ не промахъ,—бѣжалъ и пропалъ безъ вѣсти.

Въ январѣ 1719 г. дѣйствительно Петръ навѣстилъ, проѣздомъ на Марціальныя воды, Александро-Свирскую обитель. Здѣсь онъ занемогъ и могъ выѣхать на воды только черезъ четыре дня.

Отѣзжая изъ монастыря, Петръ пожаловалъ здоровой братіи 200 р., а больничной 50 р. Больничнымъ розданы были деньги по рукамъ при царѣ, но потомъ Александръ отобралъ у нихъ, а 200 р. здоровой братіи и совсѣмъ не выдавалъ. Монахи начали приставать къ нему; онъ имъ отвѣчалъ, что прїѣздъ Петра въ обитель „великій убытокъ учинилъ и этихъ денегъ вамъ не будетъ“. Съ Петровскаго завода Петръ прислалъ еще 50 руб., и эти остались въ карманѣ Александра.

Ненависть монаховъ къ своему архимандриту, возбужденная его несправедливостями и жестокимъ обращеніемъ, усиливалась съ каждымъ днемъ: но всѣ молчали и трепетали передъ Александромъ, не знавшимъ границъ самоуправству. Монахи терпѣли, сходились по кельямъ, толковали между собою и обдумывали какъ бы донести на Александра; но охотниковъ не оказалось.

Прїѣхала въ монастырь, 16 марта, на возвратномъ пути съ Марціальныхъ водъ, и царица Прасковья Фе-

доровна. Выведенные изъ терѣнїи монахи рѣшились на смѣлый поступокъ—обнаружить передъ царицею поведеніе архимандрита, собрались и написали съ общаго совѣта прошеніе; за однимъ была остановка: надо было подписать его, а никто не рѣшался,—вызвался только смѣльчакъ, монахъ Нахомъ, подать царицѣ неподписанную никѣмъ жалобу.

Царица приняла жалобу и велѣла Александру при себѣ прочитатъ ее.

Жалоба, въ видѣ доношенія, написана была на имя царя.

Монахи жаловались на захватъ Александромъ денегъ, пожалованныхъ Петромъ въ прїѣздъ его на Марціальныя воды; доносили, что архимандритъ изъ своихъ корыстолюбивыхъ видовъ построилъ „на пристани рѣки Свири за четыре поприща часовню; на построеніе это собиралъ волею и неволею, правилъ съ братїи и трудниковъ съ мала и до велика, также и съ крестьянъ, отчего многіе разбрелись врознь, не терпя такого правежа, часовню украсилъ образами мѣстными изъ новопостроеннаго въ монастырѣ придѣла Петра и Павла, и построилъ ее, ради своей бездѣльной корысти и прибытка, чтобъ часовенный сборъ получать въ свою пользу. Онъ же, архимандритъ, царскимъ ангеламъ не празднуетъ и молебнаго пѣнїя на тѣ царскіе ангелы не совершаетъ и по царскимъ родителямъ, на памяти с преставленїи ихъ, божественной службы соборно не служить и панихидъ соборно не поетъ“.

Нетерпѣливо дочитывалъ Александръ передъ царицею монастырскую жалобу, надѣялся видѣть въ подписи имена дерзкихъ и уже приготовлялъ имъ въ умѣ же-

стокія наказанія; но каково было его отчаяніе, когда онъ началъ читать окончаніе просьбы: „а къ сему доношенію за страхомъ его, архимандрита, руку приложить никто не смѣлъ, потому что, если кто начнетъ говорить про архимандрита, то ему доносятъ и онъ бьетъ до полусмерти, и бывшій архимандритъ Кириллъ хотѣлъ вашему царскому величеству донести объ его архимандричьемъ непорядочномъ житіи, и за то онъ, архимандритъ, его Кирилла билъ по три накона, что едва ожилъ, и, оковавъ, сослалъ въ приписной Введенскій монастырь, чтобъ къ вашему величеству съ доношеніемъ не шелъ, также и іеромонаха Константина билъ и его келейную рухлядь ограбилъ, а его, іеромонаха, въ приписной же монастырь сослалъ; схимонаха Савватія билъ и келейную его рухлядь пограбилъ и изъ монастыря выслалъ; схимонаха Ісаію билъ и келейную его рухлядь пограбилъ же, да служебника Лазаря Минина билъ смертнымъ боемъ и пожитки его пограбилъ, а его скорбнаго изъ монастыря выслалъ и онъ въ деревнѣ отъ того бою недѣлю лежалъ да и умеръ; также и многихъ монаховъ и служебниковъ бьетъ до полумертвія, и того ради явно вашему величеству доношенія писать и рукъ прикладывать за такимъ его убивствомъ и страхомъ не смѣли, а сего доношенія вашему величеству донести было и вручить невозможно того ради, что онъ, архимандритъ, насъ, богомольцевъ вашихъ, съ монастыря не спускалъ и у воротъ поставилъ караульщиковъ съ дубьемъ, чтобъ никого отъ монаховъ къ вашему величеству ни съ какимъ доношеніемъ не ходили“.

Къ удовольствію Александра, царица Прасковья Оедровна не дослушала конца. Она торопилась въ цер-

ковъ къ обѣднѣ. Александръ спряталъ прошеніе и по отѣздѣ царицы изъ монастыря приступилъ къ изслѣдованію.

На другой же день послѣ отѣзда царицы, Александръ пришелъ въ трапезу и съ злобнымъ наслажденіемъ, слѣдя взорами за каждымъ монахомъ, началъ читать поданную царицѣ жалобу. „Кто писалъ это прошеніе?“ спросилъ Александръ. Монахи молчали. Александръ выбралъ нѣсколькихъ монаховъ и приказалъ ихъ бить плетьюми. Чтеніе просьбы въ трапезѣ и битье плетьюми продолжалось нѣсколько дней сряду. Наступила страстная недѣля: изслѣдованія Александра по жалобѣ пріостановились. Въ это время онъ узналъ черезъ кого-то, что жалобу писалъ тихвинскій посадскій человѣкъ, Кузьма Ѳедоровъ. Александръ воспользовался этимъ свѣдѣніемъ и еще разъ, на святой недѣлѣ, къ счастью уже въ послѣдній разъ, опять послѣ трапезы прочиталъ жалобу и нѣсколько человѣкъ билъ плетьюми.

Одновременно съ царицею Прасковьею Ѳедоровною въ Свирскій монастырь пріѣхалъ комиссаръ олонецкой верфи Лупандинъ, прямо изъ приписнаго Введенскаго монастыря. Тамъ къ нему являлся Кириллъ и объявилъ за собою „государево слово и дѣло“. Старикъ вышелъ изъ терпѣнія и, чтобъ избавиться отъ истязаній Александра, ему оставалось только это средство — и средство это же страшное. Сказывающаго слово и дѣло, по принятому тогда порядку, сейчасъ же заковывали по рукамъ и ногамъ и отправляли въ преображенскую или въ тайную канцелярію, — а тамъ дыба и кнутъ. Но Кириллу не было другого исхода: въ каждый пріѣздъ свой въ Введенскій монастырь Александръ придирался къ чему

нибудь, чтобъ посѣчь плетью Кирилла—ожесточеніе и отчаяніе взяло верхъ надъ кроткимъ терпѣніемъ прежняго игумена.

Комиссаръ Лупандинъ, получивъ отъ Кирилла объявленіе о словѣ и дѣлѣ, сообразилъ, что самому доносить объ этомъ государю неудобно по весьма естественной причинѣ—потому, что его перваго закуютъ въ желѣза и посадятъ въ преображенскую канцелярію. Онъ нашель удобнѣе сообщить объ этомъ Александру.

„Для чего ты въ Введенскій приписной монастырь отправилъ бывшаго архимандрита Кирилла, который сказываетъ за собою государево дѣло? надобно вамъ отослать его въ С.-Петербургъ; а не пошлете, то мы писать о томъ будемъ, куда надлежитъ“, говорилъ комиссаръ архимандриту.

Александръ успокоивалъ комиссара, что это дѣло пустое, чтобъ онъ не обращалъ вниманія на болтовню Кирилла, котораго онъ не выпустить на свѣтъ Божій. Но комиссаръ зналъ очень хорошо, что дѣлами о словѣ и дѣлѣ шутить нельзя—кто можетъ ручаться за будущее? А если и черезъ десять лѣтъ откроется, что ему объявляли слово и дѣло, а онъ смолчалъ и не донесъ, то ему, комиссару, не миновать заплечныхъ мастеровъ и кнута. Онъ потребовалъ настоятельно, чтобъ Александръ отправилъ въ Петербургъ Кирилла, а не то онъ самъ донесетъ объ этомъ.

Увернуться отъ требованія комиссара было невозможно; Александръ поневолѣ долженъ былъ выпустить изъ когтей своихъ несчастную жертву. Старичка Кирилла сковали; на страстной недѣлѣ отвезли въ Петербургъ и помѣстили сперва на монастырскомъ подворьѣ Свирскаго